

УДК 82'396, 81'42

## Образ домового в мифологических рассказах, зафиксированных на территории Климовского района Брянской области

**Головачева Ольга Алексеевна**

Доктор филологических наук, доцент,  
Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,  
241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, 14;  
e-mail: golovacheva-Ol'ga@mail.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-24-01002 а (м)

### Аннотация

В статье проанализированы мемуары жителей Климовского района Брянской области, описывающие домового – одного из мифологических персонажей носителей русской лингвокультуры. В рассказах респондентов упоминания о нем более частотны, чем о других демонологических субстанциях (лешем, водяном и т.п.). Согласно наивным донаучным представлениям человека, домовый является невидимым хозяином каждого дома. Характеристика качеств названного мифологического персонажа определена его предназначением – охранять дом, его обитателей, шутить, пугать, жильцов, предупреждать об опасности и др. В устных рассказах жителей Климовского района одной из доминантных выступает ярко выраженная обереговая (апотропеическая) функция, выполняемая им. Представление о том, что у домового есть семья, нами не отмечено. Из рассказов респондентов следует, что жильцы дома, как правило, по отношению к мифологическому персонажу совершают действия контактоустанавливающего характера. Таким образом, в их поведении имеет место смешение двух составляющих – рациональной и иррациональной, когда верили и в высшую, и в нечистую силу. Современное бытование мифологических рассказов подтверждает, что суеверные представления народа определяют специфику актуализации демонических образов-персонажей в сознании современного человека. В работе использованы базовые методы исследования применительно к проблематике – антропоцентрический и лингвокультурологический.

### Для цитирования в научных исследованиях

Головачева О.А. Образ домового в мифологических рассказах, зафиксированных на территории Климовского района Брянской области // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 25-36.

**Ключевые слова**

Мифология, мифологический персонаж, народная демонология, суеверие, лингвокультура, иррациональные верования, домовой.

**Введение**

Мифологическое мышление человека, формировавшееся в ранний, донаучный период, сохраняется и культивируется и в наши дни, что выпукло репрезентируют собранные на территории юго-запада Брянщины рассказы современных респондентов о различного рода демонологических существах.

**Образ домового в мифологических рассказах носителей русской лингвокультуры**

В сознании человека XXI века, как и в представлениях древних славянских народов, сохраняются глубоко укоренившиеся достаточно архаичные элементы. Так, хозяином леса является леший, водоема – водяной, дома – домовый и т.п. Словообразовательная структура данных лексем не включает того семантического наполнения, которое единицы получили в узусе, например, домовый – «...дух, хранитель и обидчик дома; стучит и возится по ночам... это нежить, ни человек, ни дух, жильцы стихийные, куда причисляют лешего, кикимору, русалок...и водяного» [Даль, 2006, т.1, 770]. Суффиксы отадективных производных наименований (леший, водяной, домовый) выражают отношение к месту, названному мотивирующей основой. Метафоричность семантики каждого субстантива и различный объем смысловых приращений указывают на деятельность социума, направленную на создание определенных представлений о несуществующем, что наглядно иллюстрируют и рассказы респондентов, в которых более частотны упоминания о домовом, чем о других мифологических персонажах.

Мемораты о лешем, лесном человеке, встречаются крайне редко, и интервьюируемые зачастую не могут конкретизировать, как с представленным образом связаны/ не связаны аномальные явления в лесу.

Информация о ведьмах имеет, как правило, диахронный характер, т.к. в подобных рассказах фигурируют «события», происходившие, по словам респондентов, в прошлом, как правило, с их уже умершими родственниками или знакомыми («дед рассказывал...»; «бабка слышала/видела...», «ее жених встретился с...». и т.д.).

Рассказы о домовых синхронизированы, что «оживляет» представления о мифологическом персонаже, переводит в плоскость реальности как признаки его присутствия, так и встречу с ним.

Согласно наблюдениям С.Н. Стародубец (на основе анализа мифологических рассказов жителей Климовского района), «наиболее распространены на территории Климовского района образы ведьмы и домового». Данные мифологические персонажи проанализированы и детально описаны исследователем, «даны представления о внешнем виде персонажей, месте их обитания или появления, их поведении, а также определено отношение респондентов к вышеперечисленным персонажам» [Стародубец, 2017, 208].

Современные энциклопедические справочники отмечают: «Домовой в религиозных верованиях славянских и некоторых др. народов «дух», живущий в доме. Вера в Д. — пережиток первобытных семейно-родовых культов. Др. название: у русских «дедко», «хозяин», «доможил», «суседко» и прочие; у белорусов «хатник», «господар»; у украинцев «хатній дідко»; у поляков «хованец»; у чехов «скржитек», «рарашек» и др. Согласно поверьям, Д. — не только хранитель дома, но иногда наказывает людей за нарушение обычаев и непочтение, душит их во сне, пугает и т.д. С верой в Д. были связаны некоторые обряды: кормление Д., приглашение на новоселье в новый дом и др. Рассказы жителей брянско-гомельского пограничья свидетельствуют о преимущественно традиционном восприятии данного мифологического персонажа, а именно: домовый охраняет дом и того, кто в нем живет. По словам одной из респонденток, это положительный персонаж. Он может сообщать о своем присутствии шумом, скрипом: «Бабки рассказывали, что домовый всегда охраняет дом, охраняет того, кто в нее живет. Он ничего плохого не делает. Единственное, что люди могут пугаться, из-за того, что он сообщает о своем присутствии время от времени. Может половицами скрипеть, может шуметь, шуршать на крыше» (Андриянова Надежда Алексеевна – с. Новый Ропск Климовского района; 1963 г. р., высшее педагогическое).

Респондентка полагает, что посредством сильного шума и скрипа домовый может не только обозначать свое присутствие, но и предупреждать хозяев об опасности, например, однажды он страшным шумом предостерег обитателей жилища от пожара: «Был вот такой случай. У одних людей в доме жил домовый. Они слышали, что он иногда скрипит, иногда стучит, иногда шуршит. И вот однажды в доме поднялся такой страшный шум, люди испугались и выскочили на улицу. А оказывается, что в это время у них по соседству горел сарай. Вот как будто бы он предупредил их об опасности» (Андриянова Надежда Алексеевна – с. Новый Ропск Климовского района; 1963 г. р., высшее педагогическое).

Примечательно, что здесь обереговая (апотропеическая) функция выполняется мифологическим персонажем, а «нечистая сила номинирована эвфемизированными сочетаниями» (иногда скрипит, иногда стучит, иногда шуршит) [Головачева, 2016, 14]. Это отражает устойчивость иррациональных верований, человека, связанных с давних времен с жилым пространством и благополучием бытового плана. Однако подобное поведение данной сущности не выступает как системное, что отмечают, например, С.М. Пронченко и М.А. Мухина:

— Говорят, что домовые могут предупреждать об опасности. Вот вы горели. Домовой знаки какие-нибудь подавал?

Е. М. Злобова:

— Не. Ничеґа. (Село Каташин Новозыбковского района: Елена Макаровна Злобова) [Пронченко, Мухина, 2016, 43].

Если в современной справочной литературе отмечены антропоморфные или зооморфные представления о домовом («Домовой является покровителем дома (поэтому и относится к «духам места»). Чаще всего он изображался стариком с седой бородой, на добродушном лице которого выделялись яркие глаза. Домовой может быть похож на хозяина дома, даже может носить хозяйскую одежду и перенимать хозяйские привычки... По поверьям, Д. мог превращаться в кошку, собаку, корову, иногда в змею, крысу или лягушку», то в меморатах жителей Климовского района Брянской области отмечаем ярко выраженные отступления от данных образов. Например: «Соседка рассказывала, что случилось ей видеть домового. Иногда сидит вяжет, смотрит как будто бы шар по полу катится. Весь такой пушистый, сероватого цвета. Только она хотела к нему приблизиться, и он исчезал» (Луканина Александра Яковлевна – с. Старый Ропск Климовского района; 1936 г. р., 5 кл.). // «Дело было рано утром. Еще все спали. Нужно было растапливать печь и я полезла юшку открыть. Только открыла, из юшки выскочил комок, серый такой, и вмиг исчез. Я даже не успела рассмотреть, что это было. Наверно, домовый там прячется» (Исаченко Валентина Андреевна – с. Любечане Климовского района, 1937 г. р., 3 кл.).

В эти и подобного плана рассказы, интервьюируемые обычно вводят слова, указывающие на свое сомнение, неуверенность, например, как будто – «кажется», наверно – «возможно». Вероятность того, что респонденты ошибались и высказывали лишь свои предположения, эксплицирована такими оборотами речи, как я даже не успела рассмотреть и т.п., а также конструкциями, подчеркивающими пограничное состояние человека, который либо еще не пробудился ото сна (дело было рано утром. Еще все спали), либо утомился от монотонной

многочасовой работы (...сидит вяжет, смотрит как будто бы шар по полу катится). Здесь имеет место смешение двух составляющих – рациональной и иррациональной –, но сознание современного просвещенного человека избирает в качестве доминантной наивную донаучную матрицу – пережиток первобытных культовых представлений, когда верили и в высшую, и в нечистую силу. Отсюда необразованный человек в силу живучести многочисленных поверий в различных духов, в т.ч. и в домовых, обращался к знахарям, колдунам или известным своей «мудростью» местным старушкам, что имеет место быть и в наши дни. На бытовом фоне усматриваются действия контактоустанавливающего плана, что отмечено в специальной литературе: «...помириться с рассерженным домовым не трудно: стоит только подложить под печку нюхательного табаку, до которого он большой охотник, или сделать любой подарок: разноцветный лоскут, горбушку хлеба...». [Энциклопедия мифологии, 2006-2017, www].

Рассказы интервьюируемых иллюстрируют, как современные люди, нередко получившие высшее образование, активно «сотрудничают» с демонологической субстанцией. Среди жителей Климовского района бытует мнение, что домовые любят, когда им на ночь на столе оставляют еду («Есть и домовые, говорят, хорошие и плохие. Но рассказывают, если домовому на ночь оставлять на столе еду, он будет хорошим») (Луканина Александра Яковлевна – с. Старый Ропск Климовского района; 1936 г. р., 5 кл.).

Задабривание домового очень важно для спокойной жизни обитателей дома. В качестве гостинца могли использоваться конфеты и печенье, то есть сладости. Оставление гостинцев – это своеобразный знак внимания к домовому: «...Помню, как-то бы у нас такой случай. Выключаем свет, ложимся спать, и начинается какой-то непонятный треск и стук. Как будто ветер гуляет по комнате. Становилось не по себе. Но одна старушка посоветовала: «Задобри, не бойсь, задобри и все пройдет». И действительно, как рукой сняло» (Исаченко Валентина Андреевна – с. Любечане Климовского района; 1937 г. р., 3 кл.).

По словам одной респондентки, домовый может исполнить просьбу, может толкать человека, зовя домой (эта особенность, не зафиксированная энциклопедическими источниками, отмечена в рассказах жителей Климовского района): «...И еще домовый любит, чтоб с ним разговаривали. Рассказывала одна женщина, что ее сын был в заработках в чужом селе, а его жена тяжело заболела. Мать сына верила, что у них в доме живет домовый. Вот она голову в печку, где труба идет и кричать: «Домовой, домовый, верни сына домой, если не послушаешься, я с тобой разговаривать не стану». Вскоре вернулся сын домой и говорит: «Работаю, кто-то меня толкает, едь домой; лягу спать, опять толкает, домой надо. Вот и решил домой приехать» (Луканина Александра Яковлевна – с. Старый Ропск Климовского района;

1936 г. р., 5 кл.).

То, что было перенято из языческой культуры (обряды, поверья), не удалось искоренить ни после принятия христианства, ни путем просвещения. И люди продолжают не только верить в существование нечисти, но и совершать различные действия, чтобы сделать ей приятное, поимев от этого определенную стабильность бытового характера. Например, респонденты считают, что в новый дом важно забирать с собой «невидимого жильца», который будет охранять своих хозяев, а если этого не сделать, то домовый может обидеться, и тогда будет мстить. Очевидное логическое несоответствие (с собой не забрали, значит, домового нет, мстить некому) не принимается во внимание. «Домовой есть в каждом доме. Он охраняет дом. Говорят, когда переходишь жить в другое место, нужно и домового забирать с собой. А то он рассерчает, тогда уж точно берегись!» (Андриянова Надежда Алексеевна – с.Новый Ропск Климовского района; 1963 г. р., высшее педагогическое).

В Сборнике материалов полевых исследований С.М. Пронченко, М.А. Мухиной «Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области» (Санкт-Петербург, 2016) также отмечены рассказы о ритуальных действиях (приглашении домового к перемещению в другое жилище) для обеспечения своего спокойного существования, что свидетельствует об устойчивости суеверных представлений жителей пограничных районов и определяет специфику актуализации данного мифологического персонажа в сознании носителей лингвокультуры (Рассказы интервьюируемых даны в фонетической транскрипции, отражающей диалектные особенности произношения; вопросы и комментарии авторов – в орфографической записи).

— Ну ен [домовой. — Авт.] ... Рáзве будиш яўó дóбрым паминáть? Кадá-нибудь спяки блинóк. Идета там за ўрупкай, за черяпушкай паклади, нихáй. Скажы (куды переяжяять люди, рáньшы переяжяять и с свайўó стáраўа хáты в друўуу): «Мой дамаво́й, пайдем са мной». Вот так нáда ўаварыть. (Село Старый Кривец Новозыбковского района: Анастасия Андриановна Попкова) [Пронченко, Мухина, 2016, 63].

Как правило, неприятности у жильцов происходят ночью. Респондентка рассказывает, что услышала храп на пустом стуле и даже почувствовала тепло. После «прикосновения» к невидимому храп прекратился: «Иногда ночью слышала храп в комнате, как мурлыканье. Думала кот. Но как-то раз думаю, дай посмотрю. Включила свет, а кота-то никакого и нет. Погасила свет и снова слышу такой же звук. Странно. Пошла в темноте к креслу, откуда доносился храп, потянулась рукой и чувствую, что место нагрето кем-то. Но никого нет» (Луканина Александра Яковлевна – с. Старый Ропск Климовского района; 1936 г. р., 5 кл.).

Также известно со слов респондентов, что домовый любит перекладывать вещи. В одном из случаев нож, который лежал на столе, каким-то образом оказался на печке. Женщина не дает конкретного описания домового, но полагает, что видела, как будто кто-то сидел на печи. Важным является то, что домовый всегда мгновенно исчезал, когда человек замечал его и начинал приближаться: «Рассказывала одна женщина, что положила нож на стол, а его не стало. Никого в доме не было. Смотрит, на печке как сидит кто-то, ближе подошла, нож лежит, и никого нет» (Масленая Антонина Алексеевна – с.Новый Ропск Климовского района; 1939 г. р., 5 кл.).

Домовой выступает одним из ярких представителей «демонологического багажа» русского народа. Респонденты отмечают: чтобы избежать злого и неприятного воздействия домового или вообще не встречаться с ним, нужно зажигать лампадку перед иконой: «Еще старые, коли жили, говорили, что домовы не появятся, коли перед иконой лампадка горит» (Ляшкова Ольга Петровна – с. Сачковичи Климовского района; 1927 г. р., 3 кл.).

Испытанным средством в борьбе с нечистью является святая вода: «Когда напьется сын, ему все кажется, что с ним хтось разговаривая. Лежит, руками маша, ругается: «Не трошь меня, не лезь». Побрызгала его святой водой и успокоился» (Ткачева Анна Ивановна – с.Новый Ропск Климовского района; 1933 г. р., 3 кл.).

В труде С.М. Пронченко, М.А. Мухиной на вопросы исследователей о наличии домового и «его действиях» интервьюируемые дают ответы, предполагающие множественную мотивацию (Хто яґо зная// Ну слышали// В атнашэнии дамавова ґде-та у миня у самой были какие-та самнения), однако рекомендуют в качестве защиты от любого зла читать молитвы:

— Рассказывают, что домовые могут душиить.

— Хто яґо зная. Знаите, нада кали спать лажышся, нада малицца Боуу. «Очче наш...» можна научицца. (Село Новые Бобовичи Новозыбковского района: Татьяна Афанасьевна Пастухова и Ольга Федоровна Ерошенко). //Детачки [Обращается к авторам сборника. — Авт.], малитясь Боуу. Вам фсяґда памауе ґаспоть. Куда што задумаять идить: «ґоспади памауи мне». то начинаиш делать: «Памауи мне ґоспади». Тихонька, не кажы. (Село Старый Кривец Новозыбковского района: Анастасия Андриановна Попкова) //Любая малитва к Боуу абраццяицца. Просьиш и ґоспада Боуа, и Матушку (Деревня Вихолка Новозыбковского района: Нина Ивановна Пастушенко). [Пронченко, Мухина, 2016, 39, 62, 65].

В некоторых рассказах респондентов на вопрос интервьюеров: Домовой существует? дается однозначный ответ: Не. (Село Рогов Злынковского района: Нина Федоровна Лапченко, Надежда Федоровна Литвиненко, Александр Николаевич Травников). Однако затем следуют

рассуждения о возможном присутствии некой субстанции, с которой говорящий с трудом связывает как воспоминания, например, об умершем отце, так и восприятие либо своего сновидения, либо внезапного ухудшения состояния:

Ну слышали... У мене папа, ен с дивяццот первага ўо́ду. А када цэ́рква бы́ла, ен ф цэ́ркви с папо́м там пе се рэ́мя. Ну а када по́сли вайны се зу́рэла, вот ен тута-ка пе. Мне припляло́ся... страшнае тако́е... Ка́жацца, душа мяня. И праснуцца я не мауу. Тисня мяне и крычять ня мауу. Пака́ я не прыхвати́лася сама́... и бо́льшы заснуть не маула́. Так пасвятили в хати и весь двор. (Село Рогов Злынковского района: Нина Федоровна Лапченко) [Пронченко, Мухина, 2016, 101].

Ключевыми словами, указывающими на наличие чего-то, не характерного для обычного состояния сна, а значит и странного, здесь выступают лексемы приплелось – «припуталось что-то постороннее, не идущее к делу, некстати» и прохватиться – очнуться, опомниться, спохватиться». Актуализируют смысловое наполнение текста слова кажется, не мауу праснуцца, крычять ня мауу, заснуть не маула́, конкретизирующие проявление очевидного физического нездоровья немолодой женщины. Однако резюмирующая часть рассказов ряда респондентов свидетельствует о том, что православные люди при определении чего-то непонятного должны обращаться за помощью к Богу, что наглядно демонстрируют и литературные источники, в частности, ряд статей Н.С. Лескова, филологический анализ которых представлен в статьях Головачевой О.А. [Головачева, 2010, 2012, 2015].

### Заключение

Таким образом, в настоящее время в меморатах, собранных на территории юго-запада Брянщины (Климовский район), нами зафиксирован образ домового, внешние признаки которого имеют различные проявления, в т.ч. характеризующиеся и только звуковыми поведением – шумом, скрипом половиц, шуршанием и др. Представление о том, что у домового есть семья, нами не отмечено. Характеристика качеств названного мифологического персонажа определена его предназначением – охранять дом, его обитателей, шутить, пугать, жильцов, предупреждать об опасности и др. Доминирующий признак, по которому интервьюируемые определяют присутствия домового – звуковые проявления непонятного для них происхождения. Как и другие мифологические персонажи, как-то: русалка, леший, водяной, – образ домового амбивалентен, то есть проявляет себя и как положительный, и как отрицательный. Несмотря на известное «противоядие» действиям этой субстанции (горящая лампада, святая вода, молитвы), люди оказывают предпочтение языческим проявлениям (прибегают к «задабриванию» посредством «подарков» и пр.).



---

**Библиография**

1. Бобякова И.В. Фольклорный образ как предмет литературной игры: домовый // Известия ВГПУ. 2015. №6 (101). С.167-171.
2. Бобякова И.В. Фольклорный персонаж в русской литературе конца XVIII начала XIX В.: домовый // Известия ВГПУ. 2014. №7 (92). С.136-140.
3. Головачева О.А. Идентификаторы аморальных проявлений в беллетристике и ранней публицистике Н.С. Лескова // Культура и цивилизация. 2016. №2. С. 10-22.
4. Головачева О.А. Идиостилевые особенности ранних публицистических произведений Н.С. Лескова (на примере статей по проблематике спиритизма) // Международный сборник научных трудов: Материалы третьей международной научной интернет-конференции. Том 3: Творчество Н.С. Лескова в современном изучении. М.; Орел: НИП «ВФК». 2010. С.86-102.
5. Головачева О.А. Стилистические особенности фразеологических единиц в статье Н.С. Лескова «С людьми древнего благочестия» // Язык и культура современного города. Материалы международной научно-практической конференции. Пенза, 25-27 октября 2012. ПГПУ им. В.Г. Белинского. С.258-260.
6. Головачева О.А., Стародубец С.Н. Символическое значение обрядов рождения и крестин по материалам публицистики Н.С. Лескова и фольклорных исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2015. №5. С. 19-28.
7. Ковалева Е.А. Домовой в немецкой и русской культурах // Вестник ЧелГУ. 2011. №3. С.70-73.
8. Любова Е.Ю. Сфера «Дом» как мифологический локус в говорах Нижегородской области // Научный диалог. 2016. №4 (52). С.23-34.
9. Пронченко С.М., Мухина М.А. Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области: сборник материалов полевых исследований. СПб: ЛЕМА, 2016. 206 с.
10. Стародубец С.Н. Особенности мифологических рассказов, зафиксированных на территории Климовского района Брянской области... // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы IV международной научно-практической конференции (Брянск, 21-22 апреля 2017 г.). Брянск: БГИТУ, 2017. С. 207-212.

---

## **House spirit image in mythological stories fixed on the territory of Klimovsk District of the Bryansk Region**

**Ol'ga A. Golovacheva**

Doctor of Philology, Associate Professor,  
I.G. Petrovsky Bryansk State University,  
241036, 14, Bezhitskaya st., Bryansk, Russian Federation;  
e-mail: golovacheva-Ol'ga@mail.ru

### **Abstract**

The article analyzes the memorials of the residents of the Klimovsk District of the Bryansk Region, describing the house spirit, one of the mythological characters of the carriers of Russian culture. In the stories of respondents mentioning of him is more frequent than with other demonological substances (wood spirit, water spirit, etc.). According to the naive pre-scientific ideas, the brown-haired man is the invisible master of every house. Characteristics of the qualities of this mythological character are determined by its purpose: to protect the house and its inhabitants, to joke, frighten, tenants, to warn about danger, etc. In oral stories of the residents of the Klimovsk District, the dominant is a pronounced protective function performed by a house spirit. The idea that the house spirit has a family is not mentioned by respondents. From the stories of the respondents it is obvious that the tenants of the house spirit perform actions of a contacting character with respect to the mythological character. Thus, in their behavior there is a mixture of the two components, rational and irrational, when they believe in both higher and unclean forces. The modern existence of mythological stories confirms that the superstitious ideas of the people determine the specificity of the actualization of demonic images and characters in the consciousness of modern people. The basic methods of research applied to the problematics, e.g. anthropocentric and linguacultural, were used in the work.

### **For citation**

Golovacheva O.A. (2017) *Obraz domovogo v mifologicheskikh rasskazakh, zafiksirovannykh na territorii Klimovskogo raiona Bryanskoj oblasti* [House spirit image in mythological stories fixed on the territory of Klimovsk District of the Bryansk Region]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 25-36.

### **Keywords**

Mythology, mythological character, folk demonology, superstition, oral culture, irrational beliefs, house spirit.

---

## References

1. Bobyakova I.V. (2015) Fol'klorny obraz kak predmet literaturnoi igry: domovoi [Folklore image as a subject of the literary game: housey]. *Izvestiya VGPU* [Herald of VSPU], №6 (101), pp. 167-171.
2. Bobyakova I.V. (2014) Fol'klorny personazh v russkoi literature kontsa XVIII nachala XIX V.: domovoi [Folklore character in Russian literature at the end of the eighteenth and early nineteenth century: the housey]. *Izvestiya VGPU* [Herald of VSPU], 7 (92), pp. 136-140.
3. Golovacheva O.A. (2016) Identifikatory amoral'nykh proyavlenii v belletristike i rannei publitsistike N.S. Leskova [Identifiers of immoral manifestations in fiction and early journalism of Leskov]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2, pp. 10-22.
4. Golovacheva O.A. (2010) Idiostilevye osobennosti rannikh publitsisticheskikh proizvedenii N.S. Leskova (na primere statei po problematike spiritizma) [The idea and style features of the early journalistic works of Leskov (on the example of articles on the problem of spiritualism)]. In: *Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov: Materialy tret'ei mezhdunarodnoi nauchnoi internet-konferentsii. Tom 3: Tvorchestvo N.S. Leskova v sovremennom izuchenii* [International collection of scientific papers: Materials of the third international scientific Internet conference. Volume 3: Creativity of N.S. Leskov in a modern study]. Moscow, Orel.
5. Golovacheva O.A. (2012) Stilisticheskie osobennosti frazeologicheskikh edinit v stat'e N.S. Leskova «S lyud'mi drevlego blagochestiya» [Stylistic features of phraseological units in the article of N.S. Leskov "With people of ancient piety"]. In: *Yazyk i kul'tura sovremennogo goroda. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Penza, 25-27 oktyabrya 2012* [Language and culture of the modern city. Materials of the international scientific-practical conference. Penza, 25-27 October 2012]. Penza.
6. Golovacheva O.A., Starodubets S.N. (2015) Simvolicheskoe znachenie obryadov rozhdeniya i krestin po materialam publitsistiki N.S. Leskova i fol'klornykh issledovaniy [Symbolic meaning of birth rites and christenings on the basis of N.S. Leskov works and folklore studies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Russian Philology"], 5, pp. 19-28.
7. Kovaleva E.A. (2011) Domovoi v nemetskoj i russkoi kul'turakh [Brownie in German and Russian cultures]. *Vestnik ChelGU* [Herald of ChelSU], 3, pp. 70-73.
8. Lyubov'a E.Yu. (2016) Sfera «Dom» kak mifologicheskii lokus v govorakh Nizhegorodskoi oblasti [Sphere "House" as a mythological locus in the dialects of the Nizhny Novgorod region]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 4 (52), pp. 23-34.
9. Pronchenko S.M., Mukhina M.A. (2016) *Fol'klor i yazyk prigranichnykh s Belarus'yu*  

---

House spirit image in mythological stories fixed on the territory of Klimovs...

---

*Novozybkovskogo i Zlynkovskogo raionov Bryanskoi oblasti: sbornik materialov polevykh issledovaniy* [Folklore and the language of the Novozybkovsky and Zlynkovskiy districts bordering Belarus with Bryansk region: a collection of field research materials]. St. Petersburg: LEMA Publ.

10. Starodubets S.N. (2017) Osobennosti mifologicheskikh rasskazov, zafiksirovannykh na territorii Klimovskogo raiona Bryanskoi oblasti [Features of mythological stories recorded in the Klimovsk region of the Bryansk region]. In: *Problemy i tendentsii razvitiya sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii: istoriya i sovremennost': materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Bryansk, 21-22 aprelya 2017 g.)* [Problems and tendencies of development of the socio-cultural space of Russia: history and modernity: materials of the IV International Scientific and Practical Conference (Bryansk, April 21-22, 2017)]. Bryansk.